
ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ Л. С. КЛЕЙНА «ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ» НА МЕТОДИЧЕСКОМ СЕМИНАРЕ ИИМК РАН

От редакции

В 2011 г. корпус отечественной археологической литературы обогатился фундаментальным трудом — двухтомником по истории мировой археологии, принадлежащим перу одного из выдающихся отечественных исследователей древности Л. С. Клейна. На состоявшейся тогда же в Музее истории Санкт-Петербургского университета презентации книги было высказано пожелание организовать обсуждение этой капитальной монографии с привлечением ведущих специалистов в области истории и теории археологии.

15 февраля 2012 г. в Дубовом зале ИИМК РАН под председательством С. А. Васильева состоялось заседание методического семинара института. После краткого вступительного слова Л. С. Клейна с развернутыми оценками монографии выступили А. А. Сеницын, Е. М. Колпаков, М. Т. Кашуба, Н. Ю. Бокоренко, С. А. Васильев (ИИМК РАН), Ю. Е. Березкин (МАЭ РАН), И. В. Тункина (Архив РАН), И. Л. Тихонов (Санкт-Петербургский университет), С. Р. Тохтаев (Институт восточных рукописей РАН), И. А. Шутелева (Башкирский гос. педагогический университет). С ответным словом к собравшимся обратился Л. С. Клейн. По просьбе организаторов обсуждения некоторые участники состоявшейся дискуссии предоставили в редакцию РАЕ тексты своих выступлений. Они публикуются ниже с добавлением отзывов, присланных коллегами, которые по тем или иным причинам не смогли принять участие в работе семинара.

Клейн Л. С. Вступительное слово

Первым долгом я должен поблагодарить собравшихся за внимание к моему труду. Затем мне надлежит что-то сказать для зачина. Поскольку все, что у меня было собрано по содержанию темы, было в сжатом виде обобщено в самом труде, то мне остается сказать несколько слов о том, как сей труд создавался, и о том, что бы я хотел увидеть затронутым в этом обсуждении.

Как он создавался, я вкратце рассказал в предисловии. В основу лег мой лекционный курс, который я читал в Ленинградском университете начиная с 60-х годов. Курс постепенно разрастался, и затем я его читал в Восточном Берлине, а потом, уже после моего возвращения в археологию — дважды в Венском университете, и у меня сохранились его конспекты на немецком языке. Затем я читал некоторые главы в Словении и в Америке — сохранились у меня конспекты и на английском языке. Кстати, в этих и других поездках я изрядно попользовался недостающей у нас литературой, хотя библиотека ИИМК была

моей основой. Уже в нулевые годы я читал этот курс факультативно опять у нас на кафедре и давал тексты лекций студентам — они расходились. Русский текст проник еще в неотредактированном виде в Интернет, но это не препятствует продаже книги, а скорее стимулирует ее. Раздавал я текст и лекторам, чтобы облегчить чтение тем, кто не имел моих возможностей. Разумеется, материал моих многочисленных рецензий и обзорных статей тоже отразился в курсе.

Теперь о моих ожиданиях от нынешнего обсуждения, за которое я очень признателен его организаторам. Конечно, я бы хотел получить сведения о том, что мои коллеги считают моими погрешностями и что спорными местами. Это печальный список, но он, увы, есть в каждом новом труде. Некоторые ошибки я вижу сам, на некоторые мне уже указали. Как мне кажется, я должен ожидать, что мои коллеги рассмотрят, удалось ли мне в этом труде внести нечто новое в познание истории археологической мысли и что именно. Опять же, это новое может быть принято хорошо, а может и плохо. То есть, удачны ли мои новации или неудачны.

Сам я вижу в числе таких новаций, во-первых, само выделение истории археологической мысли как особого направления в истории науки, которая занимает видное место в самом формировании этой истории. Во-вторых, я имею в виду саму структуру изложения материала: до 70-х годов XIX века — по парадигмам, а с этого рубежа — по школам (по течениям). В-третьих, сами школы мною изрядно переформированы, некоторые видные ученые передвинуты, некоторые школы получили новые названия и характеристики. Совершенно по-новому я подхожу к классическим понятиям «диффузионизм» и «миграционизм». Мне кажется, что они получили, наконец, логическую упорядоченность. Разумеется пришлось ввести ряд новых школ (или течений): комбинационизм, трансмиссионизм, постпроцессуализм, бихевиорную археологию, третий эволюционизм и другие. В-четвертых, я старался представить наших предшественников как живых людей, со всеми человеческими страстями и слабостями, не только потому, что это оживляет повествование и позволяет лучше запоминать материал, но и потому, что эти страсти и личные отношения играли видную роль в самом движении науки и многое объясняют. Наконец, я сохранил некоторые особенности лекционного курса, например, свои моралите и вопросы по окончании каждой главы, которые должны стимулировать самостоятельное продумывание каждой темы, дискуссии и самостоятельную работу мысли.

Я понимаю, что обсуждение выявит и ряд других интересных вопросов, которые я не мог предусмотреть и которые буду с интересом ожидать.

Васильев С. А.

Долгожданный выход в свет новой книги Л. С. Клейна — событие незаурядное не только для отечественной, но и для мировой археологии. Все выпускники кафедры археологии ЛГУ 70-х годов прошлого века прекрасно помнят блестящий курс Л. С. Клейна «История археологических знаний». Дополненные близким по направленности курсом его ученика, Г. С. Лебедева, по истории русской археологии, эти лекции давали вступающим в науку специалистам четкое представление о сложном пути формирования и развития знания о древностях, основных теоретических направлениях зарубежной археологии, позволяли понять место отечественной науки в структуре мировой археологии. К сожалению, упомянутый курс Л. С. Клейна, как и большинство других лекционных курсов «золотого века» ленинградской университетской археологии, когда кафедра давала выпускникам образование на уровне ведущих европейских университетов, остались живы лишь в воспоминаниях бывших студентов и аспирантов. Курс Г. С. Лебедева увидел свет с большим запозданием (Лебедев 1992), а появления книги Л. С. Клейна пришлось ждать почти 40 лет. Перед нами наиболее полное и, пожалуй, наиболее глубокое исследование исторического пути развития археологии как науки во всем богатстве ее проявлений.

Не пытаясь дать всестороннюю развернутую характеристику содержания объемистого двухтомника, остановлюсь лишь на некоторых спорных, на мой взгляд, моментах. Прежде всего, автор с самого начала заявляет о том, что книга посвящена зарубежной археологии и анонсирует будущее издание аналогичного труда по русской археологии. Вместе с тем, в работе присутствуют разделы и даже целые главы, посвященные людям и идеям отечественной науки. Выбор таких сюжетов кажется несколько странным. Фактически более или менее цельными текстами являются лишь два отрывка. В первом томе монографии это небольшой раздел о В. А. Городцове (I, 648–652) и следующая за ним отдельная глава о Н. П. Кондакове и М. И. Ростовцеве (I, 657–680). Второй том книги открывает глава, посвященная анализу идей Н. Я. Марра, «методу восхождения», В. И. Равдоникасу и стадиализму (II, 3–23). Почти не затронутой осталась богатейшая страница истории нашей археологии, а именно палеоэтнология 1920-х годов. Названы имена Б. С. Жукова и С. И. Руденко, а такой блестящий и глубокий, намного опередивший развитие мировой науки, исследователь, как Г. А. Бонч-Осмоловский, даже не упомянут. Довольно неожиданно читать о том, что интерес С. А. Семенова к изучению следов сработанности на древних орудиях был каким-то образом связан с криминалистикой, с которой он якобы имел дело во время службы в ЧК в годы Гражданской войны (II, 15). Работая с архивом С. А. Семенова, мне не удалось обнаружить никаких следов этой связи. В ЧК явно обходились без криминалистики (было достаточно революционного правосознания!), а начинал С. А. Семенов свой путь в науке во вполне традиционном ключе, описывая по археологическим и этнографическим данным историю техники. Само же открытие следов сработанности состоялось значительно позднее, в процессе переделки текста его диссертационного сочинения (подробнее см. Васильев 2008: 49).

К сожалению, наиболее слабым звеном в книге оказалась французская археология. Автор, прекрасно осведомленный о событиях и людях скандинавской, немецкой, английской и американской археологических школ, в данном

случае порой прибегает к помощи англоязычных пересказов работ коллег. У Л. С. Клейна читаем: «...Леруа-Гуран так и остался одиноким маяком. Он не имел последователей, ни отзвука во французской этнологии и археологии» (II, 56). «Вся французская этнология валом повалила не за Леруа-Гураном — за Леви-Стросом, а археология — за Бордом. Почему это так, трудно сказать» (II, 57). Действительно, трудно сказать, поскольку на самом деле все обстоит с точностью до наоборот. Творчество А. Леруа-Гурана оказало решающее воздействие не только на археологию палеолита (где именно он, а не Ф. Борд, сформировал основную повестку дня современной французской доистории), но и на всю совокупность общественных наук во Франции. Регулярно переиздаются его труды; памяти исследователя посвящаются широкомасштабные конференции с участием археологов, этнографов, лингвистов, антропологов, историков, психологов и философов (Gaucher 1987; Bernot 1988; Audouze, Schnapp 1992; Groenen 1996; Audouze, Schlanger 2004; Villers 2010). Значение А. Леруа-Гурана, конечно, не в теориях, а в том, что на примере Пенсевана он показал, как надо работать со стоянкой, если целью деятельности археолога является реконструкция жизни древнего поселения, а не помещение памятника в очередную искусственную классификационную клеточку. Что касается влияния структурализма, то оно сказалось в разработке А. Леруа-Гураном сложной терминологической сетки понятий для описания элементов культурного слоя, очагов, скоплений, жилищ и др. Самое слабым местом в наследии А. Леруа-Гурана оказались как раз его работы по палеолитическому искусству. Серии радиоуглеродных определений, получаемых ныне прямо по образцам из росписей, опрокинули привычную схему и фактически сделали невозможным какое-либо упорядочение явлений четвертичного искусства. Пещерные комплексы оказываются не одновременными созданиями палеолитических мастеров, а совокупностями нанесенных в разное время изображений. В итоге намечается переход от преобладавшего ранее эволюционного анализа памятников древнейшего искусства к сугубо индивидуальной трактовке росписей и знаков отдельных пещер.

Столь же нечетко изложена суть метода другого французского археолога, Ж. Лапласа (II, 205). В рамках «аналитической и структурной типологии» он не отрицал типы и построил свой собственный типлист. В системе Ж. Лапласа каждому орудью придавался номер по типлисту, а затем дополнительно шло детальное описание морфологии предмета по множеству признаков (Laplace 1974).

Далее Л. С. Клейн переходит к «новой археологии». Как мне уже доводилось писать, значение работ Л. Бинфорда — не в неопозитивистской философии или использовании математических методов. Суть дела в ином, в решительном импульсе, заданном «новой археологией» в деле реконструкции процессов и явлений далекого прошлого (подробнее см. Васильев 2009). Знаменитый спор Л. Бинфорда и Ф. Борда о значении вариаций мустьерской культуры изложен Л. С. Клейном предельно схематично и упрощенно. «Кто был прав в этом споре? Ну, есть же объективные способы проверить это» (II, 244) — восклицает Л. С. Клейн. Если бы... С современной точки зрения вариация индустриальных комплексов в мустье — результат сложного воздействия десятков факторов. В сущности говоря, и Ф. Борд, и Л. Бинфорд были и правы, и не правы.

Каждый подметил какую-то часть явления. Спор ничем не кончился, просто наука вышла на новый уровень.

Существенная ошибка имеется в главе, посвященной «антисистемным движениям» в археологии. История раскола Международного союза доисторических и протоисторических наук (UISPP) и образования «Всемирного археологического конгресса» (WAC) изложена далеко от реальных событий (II, 391). Напомним, что в 1986 г. в Саутгемптоне был запланирован очередной конгресс Союза. В духе модной тогда среди левой западной интеллигенции борьбы с так называемым «режимом апартеида» английские организаторы мероприятия (а не руководство Союза, как написано у Л. С. Клейна) отказали в участии южноафриканским ученым (Уско 1987). Это беспрецедентное событие явилось грубейшим нарушением фундаментального принципа академической свободы, принципа, без которого международное научное сотрудничество оказывается невозможным. Инициатором подобных действий была группа амбициозных и политически ангажированных английских археологов. В итоге вместо очередного конгресса в Саутгемптоне состоялось собрание, на котором было заявлено об организации альтернативной археологической организации, а официальное руководство Союза было вынуждено провести внеплановый конгресс в Германии. История наделала много шума в прессе, а глава движения, П. Ако, в итоге стал директором Института археологии в Лондоне. С этого времени ведет начало странное параллельное существование двух международных археологических организаций.

К сожалению, глава, повествующая о хронологически наиболее молодом из течений теоретической мысли в археологии, а именно эволюционной археологии, оказалась очень неполной. Вероятно, она была позднее добавлена к основному корпусу текста книги. Только этим можно объяснить отсутствие развернутого анализа концепций представителей этого направления. Большая часть главы по эволюционной археологии оказалась посвящена не собственно археологическим проблемам, а скорее общим идеям относительно биологической обусловленности поведения человека (социобиология).

Стоит отметить, что идеи относительно сходства явлений генетической и культурной эволюции были выдвинуты в нашей науке задолго до триумфального шествия эволюционной, или «дарвиновской», археологии в Америке (Маршак, Маршак 1981). Что касается изучения палеолита, то, помимо упомянутых Л. С. Клейном концепций Л. Б. Вишняцкого, назову практически забытую кандидатскую работу В. П. Клец (1985), попытавшейся проследить закономерности развития индустрии в нижнем палеолите. Этот подход привел исследовательницу к выводу о том, что переслаивание различных индустриальных типов (ашеля, тейяка) в колонках многослойных памятников и флюктуации в наборе орудий аналогичны вариациям в эволюционном процессе, когда наблюдается чередование «доминантных» и «рецессивных» признаков, а также «предварение будущих этапов развития».

Наконец, нельзя не сказать о мелких фактических ошибках, которые неизбежны в работе такого охвата и разнообразия, и которых, замечу, на редкость немного. Тут и странным образом оказавшиеся на севере Европы эскимосы (I, 477). Тут и М. И. Ростовцев, который во время преподавательской деятельности в США, разумеется, не «выторговывал» себе персонально право проводить

раз в несколько лет оплачиваемый перерыв для научных поездок (I, 676); речь идет об обычной для американских университетов практике исследовательских отпусков профессорского состава (так называемые «sabbatical»). Тут и Х. Мовиус, который, конечно, и мечтать не мог в разгар «холодной войны» о раскопках в Узбекистане, о чем пишет Л. С. Клейн (I, 480); на самом деле американский исследователь всего лишь издал статью, посвященную открытиям А. П. Окладникова в гроте Тешик-Таш (Movius 1953). Вопреки мнению Л. С. Клейна (I, 646), В. П. Любин (1965) никакого особого типлиста для палеолита Кавказа так и не создал, он лишь дал некоторые предложения по разбивке бордовских номеров на более мелкие единицы. В книге М. Брезийона (I, 648) «отразился» не только Борд, но в равной мере и все прочие исследователи камня — это хорошо известный всем палеолитчикам чисто компилятивный справочный труд, включающий все опубликованные классификации и лишенный каких-либо авторских предпочтений (Brezillon 1968). В том, что касается рассмотрения комплексов пещерной живописи как целостных композиций, то хронология появления на свет трудов различных исследователей обратная по отношению к тому, что написано у Л. С. Клейна (II, 85). Пионером данного направления был М. Рафаэль (Raphael 1946), позднее появились труды А. Ламенг-Амперер (Laming-Emperaire 1962), а уже потом об этом стал писать А. Леруа-Гуран (Leroi-Gourhan 1965). Для характеристики ужасающего стиля трудов Л. Бинфорда дан буквальный перевод отрывка его текста (II, 231), что некорректно. Различия в строе русского и английского языков столь велики, что любой дословный перевод с английского без правки звучит по-русски дико, идет ли речь о Шекспире или Бинфорде.

Название палеолитической индустрии «тейяк», а не «тайяс» (рис. 19.4; I, 476). В разделе, посвященном Г. Обермайеру, сказано, что первая его обобщающая работа по палеолиту появилась на испанском языке в 1916 г. (I, 479), непонятно тогда, каким образом за несколько лет до этого с немецкого издания книги «Доисторический человек» был сделан русский перевод (Обермайер 1913). Нынешний Международный союз доисторических и протоисторических наук окончательно организационно оформился в 1931 г., а не во время Второй мировой войны (II, 390). Марк Гренен археолог бельгийский, а не французский (I, 23). В ряде случаев имеются ошибки в написании имен и фамилий исследователей — Марша, а не Маша Левин (II, 404), Р. Келли, а не Л. Кили (II, 463), Н. Шлангер, а не Шланже (I, 10) и т. д.

В целом, оглядываясь на путь, пройденный наукой о древнем человеке, нельзя не заметить, что история нашей области знания (археология палеолита) существенно проще, чем описанное в работе Л. С. Клейна многоголосье. В сущности говоря, отвлекаясь от особенностей отдельных направлений и школ, в развитии мирового палеолитоведения можно выделить всего три больших этапа. Первый из них — это период формирования нашей дисциплины в XIX в. (преимущественно во Франции) под непосредственным влиянием учения об эволюции. Второй — господство культурно-исторической археологии. С начала XX в. в работах А. Брейля и Г. Обермайера намечается переход от однолинейного эволюционизма Г. Мортилье к изучению ареалов культур, созданию многолинейных схем развития индустрий. Длительная работа по совершенствованию стратиграфических построений и разработке типологии изделий из камня получает завершение в послевоенное время в трудах Ф. Борда и других исследователей,

предложивших стандартные статистические схемы классификации. Наконец, начиная со второй половины 1960-х и начала 1970-х годов происходит становление современной повестки дня археологии палеолита. Под влиянием, с одной стороны, «поселенческой археологии» А. Леруа-Гурана и, с другой, «новой археологии» Л. Бинфорда происходит постепенное угасание «классической» стратиграфо-типологической школы палеолитоведения и замещение ее функционально-технологическим подходом (см. Васильев 2008: 145–147).

Высказанные критические замечания и соображения ни в коей мере не умаляют значение труда Л. С. Клейна, который безусловно на долгое время останется основным учебным и справочным пособием по истории археологии.

Литература

- Васильев С. А.* 2008. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН.
- Васильев С. А.* 2009. О Новой археологии Клейна // Клейн Л. С. Новая археология. Донецк: Изд-во Донецкого ун-та, 360–363.
- Клец В. П.* 1985. Проблемы формообразования нижнепалеолитических орудий труда: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Лебедев Г. С.* 1992. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та.
- Любин В. П.* 1965. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА 131, 7–75.
- Маршак Б. И., Маршак М. И.* 1981. Сходные информационные процессы в развитии вещей и эволюции живых организмов // Ковальченко И. Д. (ред.). Количественные методы в гуманитарных исследованиях. М.: Изд-во Московского ун-та, 35–40.
- Обермайер Г.* 1913. Доисторический человек. СПб.: Брокгауз — Ефрон.
- Audouze F., Schlanger N.* (eds.). 2004. Autour de l'homme. Contexte et actualite.

Березкин Ю. Е.

Не только «Историю археологической мысли», но и всю научную деятельность Л. С. Клейна сейчас трудно оценить сколько-нибудь объективно. Для этого надо не только прочитать его работы, но знать по другим источникам все те проблемы и факты, о которых он пишет. Я сомневаюсь, что подобный эрудит и интеллектуал имеется. Да и вообще должно пройти время, чтобы важное отделилось от второстепенного, особенности личности — от фундаментального научного вклада. Поэтому хотя всем понятно, что Лев Самойлович — уникальная фигура, не похожая ни на кого из современников и коллег, я не берусь сформулировать, в чем в точности состоит эта уникальность. «Гроссмейстер диалектики» — безусловно, но о чем идет спор?

Назову все же хотя бы одну тему долгого разговора Льва Самойловича с самим собой и с коллегами — живыми или же давно умершими. Речь идет о постмодернизме — не столько о конкретном направлении в гуманитарных занятиях, возникшем в последней четверти XX в., сколько о постмодернизме как о некотором отправном принципе мышления и отношения к миру, который существовал

изначально и вряд ли исчезнет (Rosenau 1992). Мы либо признаем объективность и познаваемость мира и считаем науку инструментом такого познания, либо отказываемся выносить суждения на этот счет, а науку не отделяем от других проявлений культуры. В археологии постмодернистов мало, но в культур-антропологии — множество, и различия эти обусловлены самим материалом.

Даже археолог с ограниченным кругозором, не видящий, условно говоря, дальше того памятника, который копает, заведомо работает на общее дело — вносит лепту в реконструкцию истории человечества. Что он при этом думает о степени объективности реконструкции, какие конкретные цели ставит, как себя позиционирует (и позиционирует ли вообще) относительно направлений и школ — все это менее важно, нежели добытые факты. Мы редко углубляемся в теоретические рассуждения авторов археологических публикаций, но ищем в статьях и монографиях прежде всего датировки, рисунки вещей, планы построек, данные о хозяйстве и т. п., стараясь понять, насколько эти данные обоснованы. Между Дж. Меллартом и Я. Ходдером мало общего, но оба копали Чатал-хеюк, и если их публикации содержат более или менее адекватную информацию о памятнике, то спасибо обоим. А порассуждать о картине мира неолитических земледельцев — это всегда успеется, и только самый наивный читатель не понимает, что все подобные рассуждения субъективны и преходящи.

В антропологии начиная по крайней мере с 1920-х годов, а отчасти и раньше ситуация сложилась совершенно иная. Дело не только в том, что не было и нет работ, обобщающих результаты десятков тысяч антропологических case studies — плохо понятно, что там именно обобщать и на какое общее дело работают антропологи. Разумеется, есть школа Дж. Мердока, которая занимается именно кросскультурным анализом данных, полученных в ходе полевых изысканий, но соответствующих специалистов интересует лишь небольшая часть материалов — главным образом элементарные сведения по демографии, социальной организации, экономике и технологии (Коротаяев 2003; Мердок 2003). Характерно, что этнографические источники столетней давности нередко оказываются для этих целей более ценными или по крайней мере более легкими в пользовании, чем современные работы. Если читателю нужно узнать содержание фольклорных текстов или ознакомиться со способами посадки картофеля, то ему безразлично, в каких отношениях находился информант с местной администрацией, сколько у него детей и ладят ли младшие со старшими. Идеи в головах авторов немецких этнографических публикаций конца XIX — начала XX в. были чаще всего странными, чтобы не сказать резче, но регистрировать факты эти люди умели. Те же бесчисленные миры, которые в последние десятилетия постоянно открывают антропологи и в которые они пытаются вжиться, текучи, эфемерны и чаще всего плохо сопоставимы друг с другом.

Очевидно и ясно, что симпатии Льва Самойловича — с противниками постмодернизма, отсюда его критика Т. Куна. В то же время главный предмет исследования его самого — не история человечества и даже не история археологии, а история археологической мысли, т. е. циркуляции идей в евро-американском обществе XIX–XX вв. Труд Клейна имеет отношение к археологии, но это не археологическая, а чисто антропологическая работа. Не всем антропологам любезен откровенный постмодернизм, но после К. Гирца и К. Пайка стремление посмотреть на вещи глазами информантов, раскрыть их взгляд на мир

и понять логику их поступков для антрополога стало по сути дела обязательным. Соответственно и Л. С. Клейн готов признать определенную правоту за всеми личностями, о которых он пишет. Да и как иначе, раз антропология не представима без вживания и понимания. Задача автора в таком случае состоит не в отстаивании определенной позиции, не в споре с информантами (это было бы полной нелепостью), а в изучении влияний личностей друг на друга, в поиске тех обстоятельств (от исторических событий до подробностей повседневной жизни), которые способствовали (точнее — потенциально могли способствовать) формированию определенных взглядов.

Хорошо помню ту защиту диссертации на тему «Археология свободы», о которой говорится на с. 378–379 второго тома. Да, действительно выступление Льва Самойловича вызвало оvação: «...потому что лучший аттрактор смысла — простота и ясность». Здорово. И ответное выступление диссертанта, в котором тот почти доказал, что постмодернизм почерпнул у самого Клейна, тоже понравилось. Но давайте не смешивать ритуальное действие, проходившее в то время, когда жива еще была эйфория от краха советской системы, с изучением древних культур (речь в диссертации, кажется, шла о римской Дакии). Это изучение после проделанной диссертантом работы продвинулось ровно настолько, насколько в работе рассматривался конкретный материал. Все остальное может быть очень интересно, но относится не к науке о прошлом, а к каким-то другим сферам человеческой активности.

Мифологическое видение мира вступает в свои права там, где не хватает реальных фактов. Это одинаково касается охотников-собирателей и ученых. Замечательные и умные люди вроде Яна Ходдера ставят перед собой такие задачи, решить которые невозможно — по крайней мере пока. Отсюда возникает стремление придумать новые теории и методики — и понимание того, что большая часть прошлой реальности все равно остается далеко за горизонтом познания. Я вижу здесь логическую ошибку. Просто — это не значит неправильно. Наука привлекательна не замысловатостью идей, а открытиями, которые она приносит. Самыми ценными оказались не те концепции, которые были наиболее продуманными, а те, благодаря которым произошел максимальный прирост знаний.

Лев Самойлович включил в свою книгу обзор не только взглядов мыслителей-археологов, но и многих антропологов, которые археологией никогда не занимались. Бог знает, хорошо ли это. Мне кажется, что существенно на развитие археологических исследований повлияли лишь очень немногие антропологи, причем все они были неозволюционистами.

После Лесли Уайта с его «энергетическим материализмом» стало понятно, чем определяются качественные изменения в развитии культуры — объемом задействованной энергии. Мы до сих пор не можем описать механизмы становления производящего хозяйства и сложных обществ, но что кардинальную разницу между обществами неспециализированных охотников-собирателей, ранних земледельцев и создателей ранних государств можно выразить в калориях или джоулях — это точно. Подобное знание — рамочное, никто по этому поводу давно не ссылается на Уайта, но оно помогает рационально исследовать историческую динамику и безразлично относиться к выражениям типа «загадочные ольмеки».

Другая важнейшая фигура — Джулиан Стюард (или Стьюард). Он (точнее представители его школы, но вдохновленные им) придумали знаменитую «четырёхчленку» — band, tribe, chiefdom, state (позже Р. Карнейро заменил tribe на autonomous village; Carneiro 1970). К началу 1980-х годов стало ясно, что реальная эволюция в подобную схему укладывается не всегда. Тем не менее введение понятия «вождества» вызвало колоссальный прорыв в конкретных исследованиях, поскольку вождество, как и раннее государство, имеет вполне определенные признаки, которые можно относительно легко выявить по археологическим материалам. Опять-таки по мере прогресса исследований картина становилась не более, а менее четкой, но основная идея себя оправдала. Благодаря созданию школой Стюарда подходящего понятийного аппарата, удалось в общем и целом описать эволюцию древних обществ Ближнего Востока, Китая и Америки. Для археологии (именно археологии, а не антропологии) термин «вождество» стал столь же удачной находкой, как для астрофизиков — «черная дыра». На древнейшем Ближнем Востоке вождеств, видимо, не было, но и здесь спасибо стюардовской концепции — ведь стало ясно, чего не было, и соответственно легче понять, что же было. За Стюардом числится еще одно колоссальное достижение — он, кажется, первый понял, что у цивилизаций Ближнего Востока и Центральных Анд есть одна «линия развития», что мочика сопоставима с джемдет-насро (или — с уруком), а инки — с Саргоном Древним (Steward 1949). Плохо сопоставимы, если всматриваться в детали, в разных культурных очагах почти все оказывается по-разному, но в первом приближении идея верна. Сейчас трудно даже представить, что Ф. Боас, который не понимал археологии и не верил в ее познавательный потенциал, жил и умер в том мире, в котором общества Доколумбовой Америки оставались несопоставимыми с обществами Старого Света.

Третья фигура — это, разумеется, Чайлд, но не как дотошный исследователь хронологии европейских культур, а как автор в сущности примитивной (прямо восходящей к Л. Моргану) концепции двух революций — неолитической и городской (Лынша 2001). За пределами ближневосточного региона эти концепции себя не оправдали, ибо ничего подобного докерамическому неолиту Б или же уруку VI–IV нигде больше нет. С открытием Гёбекли-тепе и для Ближнего Востока чайлдовская неолитическая революция свой первоначальный смысл отчасти утратила — монументальные центры охотников-собирателей (пусть и специализированных) в нее плохо вписываются (Корниенко 2011; Шмидт 2011). Но важен результат: чайлдовские революции вдохновили археологов на раскопки, внесли в хаос систему, резко ускорили прогресс исследований.

И вот тут я Льва Самойловича, честно говоря, не вполне понимаю. Мне не попадалась еще в руки книга по культур-антропологии, в которой автор попытался бы познакомиться со всеми жителями деревни и написать обо всех. Всегда есть главные информанты, общение с которыми во многом определяет содержание исследования. Плохо это или хорошо — вопрос отдельный, но иную методику просто трудно себе представить. Клейн же в пределах своего «поля», каковым является сообщество евроамериканских ученых, перебирает, кажется, всех, и каждому уделяет слишком мало внимания.

Уайту и Стьюарду вместе в книге посвящено шесть страниц, Чайлду — больше, но в основном как специалисту по культурам Европы, а о «неолитической

революции» говорится лишь в связи с теми археологами (Брейдвуд, МакНиш, Массон и др.), который этот термин использовали. Получается — обо всех по-немногу, у всех отмечены плюсы и минусы, всем сестрам по серьгам. Мне больше нравится знаменитая книга Марвина Харриса «The Rise of Anthropological Theory», которая впрочем нравится и Клейну. Харрис был человеком одной идеи. Его собственные построения не очень интересны, но как критик он непревзойден именно потому, что всегда бил в одну точку и показывал антиматериалистические и антиэволюционистские дефекты и сбои у всех, о ком писал (Harris 1968, 1979). Мы можем не соглашаться с Харрисом и прочитать историю «теорий культуры» с других позиций, но позиция у каждого автора должна быть одна — по крайней мере в пределах одной публикации. Лев Самойлович справедливо иронизирует по поводу книги В. М. Массона «Экономика и социальный строй древних обществ» (Массон 1976). Книга действительно плохая, но не из-за ошибок (у кого их нет), а из-за отсутствия собственной концепции — немножко о том и немножко об этом, хотя «то» и «это» нередко несовместимы.

Решаема ли вообще взятая на себя Львом Самойловичем задача — описать историю археологической мысли с подобным уровнем разрешения? Как поймать рождение идей? Дэрек Фримэн считал, что «культурный редукционизм» Франса Боаса сложился еще до того, как тот уехал в Америку, едва ли не в детстве (Freeman 1983: 5–33). Мало кто из нас способен объяснить, почему воспринимает мир так или иначе — учителя и книги, конечно, влияли, но мы ведь и сами ищем учителей и выбираем, что нам читать. Проследить главные тенденции — это возможно, но охватить всю «interaction sphere» археологии и смежных дисциплин — нереально. Неслучайно при факторном анализе обычно учитывают только первые две, редко — три, компоненты, иначе не только читатель, но и автор запутается.

Мне остается поэтому лишь склонить голову перед грандиозностью проделанной работы и признать, что сам я ничего подобного создать не сумел бы. А если бы попытался, то сделал совсем иначе.

Литература

- Корниенко Т. В. 2011. Стелы Северной Месопотамии эпохи раннего неолита: предварительный обзор // АВ 17, 70–95.
- Коротаяев А. В. 2003. Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции. М.: Восточная литература РАН.
- Лынша В. А. 2001. Гордон Чайлд и американский неозволюционизм // ЭО 5, 3–17.
- Массон В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука.
- Мердок Дж. П. 2003. Социальная структура. Пер. с англ. М.: ОГИ.
- Шмидт К. 2011. Они строили первые храмы. Археологические открытия в Гёбекли Тепе. СПб.: Алетейя.
- Carneiro R. L. 1970. A theory of the origin of the state // Science 169, 733–738.
- Freeman D. 1983. Margaret Mead and Samoa. The Making and Unmaking of an Anthropological Myth. Cambridge, London: Harvard University Press.
- Harris M. 1968. The Rise of Anthropological Theory. A history of theories of culture. New York: Crowell.

- Harris M.* 1979. *Cultural Materialism: the Struggle for the Science of Culture*. New York: Random House.
- Rosenau P. M.* 1992. *Post-Modernism and the Social Sciences*. Princeton: University of Princeton Press.
- Steward J.* 1949. Cultural causality and law: a trial formulation of the development of early civilizations // *AAAn* 51, 1–27.

Синицын А. А.

Далеко не все археологи имеют склонность к историографии и к истории исследований, которые к тому же часто сводятся к выяснению того, кто первым высказал ту или иную идею. Для большинства не имеет принципиального значения, кто из предшественников первым сказал «А», тем более что быть первым далеко не всегда означает быть лучшим представителем направления или научной школы. Но книги и статьи по истории науки читаются всеми, а книги Л. С. Клейна и с удовольствием, потому что они всегда увлекательны. Три момента, как мне кажется, имеют определяющее значение в отношении археологов к историографии науки. Во-первых, и это главное, знание истории позволяет не повторять уже совершенных ошибок и «не изобретать велосипед заново». Во-вторых, что бы мы ни делали, всегда возникает вопрос, в каком направлении мы движемся: важно выделить основные тенденции нашей науки, которые состоят из каких-то направлений и ступеней, и предположить, какая ступень должна быть следующей. Не для того, чтобы остаться на передовых позициях, а для того, чтобы найти место своим разработкам в общем процессе развития археологического знания. В-третьих, важно определить недостатки современной науки, потребности в методах и понятиях, и использовать те способы преодоления недостатков, какие дает нам история науки (и не только нашей). Каждый решает эти вопросы по-разному, роль разных археологов тоже оценивается по-разному, также как и перспективы развития разных идей и направлений. С точки зрения палеолитчика и потребностей современного этапа развития этой отрасли археологии я приоритеты вижу в направлениях, намеченных работами А. Леруа-Гурана, особенно в «*Geste et parole*» (Leroi-Gourhan 1965) и Я. Ходдера времени «*Reading the Past*» (Hodder 1989). В разной степени их позиция близка той, что сложилась в процессе моей работы с археологическими материалами. В своей области каждый исследователь может определить те направления, которые он считает наиболее перспективными.

В отечественной историографии достаточно четко выделяются два направления. Первое, представленное А. А. Формозовым и Г. П. Григорьевым, акцентирует внимание на ошибках и недостатках. Второе, выраженное С. А. Васильевым и Л. С. Клейном, наоборот, стремится показать, что работы каждого исследователя вносят свой вклад в поступательное развитие нашего знания. Нужно признать, что наряду с проблемами, которые значительно стимулировали развитие науки, есть и лже-проблемы, от того или иного решения которых ничего не меняется, есть и боковые направления и просто болезни роста, которые надо было пройти на определенном этапе развития. Так было с «новой археологией»: ее с интересом воспринимали все, но увлечение прошло, хотя

«переболеть» им было надо. Результаты внедряемых новых подходов оказались значительно меньше обещаний и тех надежд, которые с ними связывались. Так же было и с этно- и с геоархеологией. Появлялись многообещающие боковые ответвления, но каждый раз оказывалось, что предлагаемые ими подходы существуют и давно существовали в рамках нормальной традиционной археологии. Нужно было только переболеть очередным увлечением. «Переболели» системным подходом. Попытки его внедрения были во всех научных дисциплинах, и археология не могла не отреагировать на общие тенденции, хотя для нее он в очень большой степени оказался искусственным, потому что в конкретной работе мало кто испытывал в нем реальную потребность: «...настоящему системному подходу в самой археологии места нет» (Клейн 2009: 112).

Немного жаль, что в обсуждаемой работе все течения и направления рассматриваются как равноценные. Было бы интересно знать точку зрения Льва Самойловича на значение всех «измов» и направлений, которые им выделяются.

На мой взгляд, и обсуждаемый двухтомник это подтверждает, начиная со второй четверти прошлого века в археологии полностью доминирует культурно-исторический подход. В Англии его сложение связывается с Чайлдом, в Германии — с Косиной (Trigger 1989; Shennan 2000), во Франции — с Брейлем. В России — с Городцовым, а в археологии каменного века — с Брюсовым и Ефименко. При этом он одинаково являлся основой и стадияльной концепции палеолита, и пришедшей ей на смену концепции археологических культур. Говоря современным языком, его сущность сводится к «эссенциализму» и «редуктивизму» (Clark 2009), согласно которым сущность культур определяется определенным набором составляющих, и их число может быть небольшим. Для характеристики культуры важны все признаки, но для ее отличия от других достаточно их небольшого количества.

Наличие скифской триады (псалии, вооружение, скифский звериный стиль) на сто процентов означает принадлежность материала скифам. Наличие триады костенковской культуры (статуэтка, наконечник с боковой выемкой, нож костенковского типа) на сто процентов означает принадлежность материала костенковско-авдеевской культуре. На практике для определения культурной принадлежности достаточно двух из них. Трудно судить о всей археологии, но реконструктивные возможности археологии палеолита на 98% определяются принципами культурно-исторического подхода. Но не на 100. Относительно недавно костенковско-авдеевская культура имела ориньяко-солютрейскую атрибуцию. Сейчас — граветтскую, хотя этот вопрос стоял и раньше (Childe 1956). В представлениях о содержании культуры ничего не изменилось, изменилась только хронология. С точки зрения общепринятых критериев материалы содержат и ориньякские, и солютрейские, и граветтские компоненты, и основания для их отнесения к одному из этих «технокомплексов» одинаковые. Очевидно, что «общепринятые» критерии атрибуции материала надкультурного уровня здесь не работают. Аналогичным образом в палеолите Восточной Европы выделяются протоориньяк и ахмар на основе присутствия в коллекциях ряда памятников раннего верхнего палеолита характерных для протоориньяка и ахмара элементов материальной культуры. Появляются «ориньякоидный эпиграветт» и «граветтоидный эпиориньяк». В рамках критериев культурно-исторического подхода это имеет основания, но постепенно становится очевидным, что основной задаче,

т. е. задаче упорядоченного представления материала и «подготовки» его к интерпретации, принципы культурно-исторического подхода не соответствуют. В этом состоит принципиальный недостаток современной археологии палеолита, который ведет к постановке вопроса: в какой мере оценочные критерии, выработанные на одном материале (в данном случае западноевропейском и ближневосточном), пригодны для оценки другого материала (восточноевропейского). Это то же самое, как использовать правила французской грамматики для анализа русского языка на том основании, что в них есть общие компоненты.

Среди работ Л. С. Клейна есть одна, малоизвестная — тезисы доклада «Язык вещей» (Клейн 1981). Потребность в этом языке испытывают немногие (Гарден 1983, 2004; Gardin 2001; Сеницын 1990), но приведенные выше примеры показывают, что для анализа конкретного материала язык его «прочтения» должен выводиться из него самого, а использование для этого критериев, выработанных на другом материале, по крайней мере, предполагает постановку вопроса: в какой мере это возможно и целесообразно. Клише и ярлыки — это основные недостатки современной археологии палеолита.

То, что формообразование имеет свои принципы, чувствуется интуитивно. Существуют некоторые порождающие структуры, которые регулируют его механизмы. На мой взгляд, они сопоставимы с порождающими структурами Ноэма Хомского (1972), причем механизмы формообразования в палеолите совсем не такие, как в поздней археологии (Сеницын 2007, 2011).

Уровень современной археологии напрямую сопоставим с до-Соссюрским уровнем лингвистики: культурно-историческая археология является полной аналогией сравнительно-исторической лингвистике. При том, что недостатки и потребности культурно-исторического подхода постепенно становятся очевидными, формы их преодоления и реализации неясны. Тенденции и течения археологии XX века представляют собой воплощение метода проб и ошибок, причем ошибок не меньше, чем положительных результатов, хотя, несомненно, каждая из них вносит свой вклад в развитие науки. В археологии должен появиться кто-то такой же, каким был Соссюр в лингвистике, кто-то, кто сможет привнести качественно новое в сравнительно-историческую археологию или предложить ей альтернативу.

Ценность обсуждаемой работы состоит, в первую очередь в том, что она сама по себе является материалом для дальнейшего исследования. И не потому, что читателю приятно находить какие-то аналогии своим идеям и представлениям у предшественников, которые просто выпали из поля его зрения, а потому, что система представлений разных направлений дана в ней в систематизированном виде. Я вижу в этом ее главное значение.

Литература

Гарден Ж.-К. 1983. Теоретическая археология. М.: Прогресс.

Гарден Ж.-К. 2004. Разработка археологических теорий: краткий обзор «современных проблем» // Крижицкий С. Д. (ред.). Сучасні проблеми археології. Ч. II. Київ: Інститут археології НАН, 13-24.

Клейн Л. С. 1981. О языке вещей // Плетнева Л. М. (ред.). Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 16–18.

- Клейн Л. С. 2009. Новая Археология (критический анализ теоретического направления в археологии Запада). Донецк: Донецкий национальный университет.
- Синицын А. А. 1990. Анализ и язык анализа археологических источников // Массон В. М., Боряз В. Н., Аникович М. В. (ред.). Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л.: ЛОИА АН СССР, 105–112.
- Синицын А. А. 2007. Первобытная археология и история первобытного общества. Плохо забытое старое // Медведев Г. И. (ред.). Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геология, этнология и антропология. Т. II. Иркутск: Оттиск, 181–189.
- Синицын А. А. 2011. Первобытная археология или доистория? Теория формирования и принципы периодизации // Беляева В. И., Мурашкин А. И. (ред.). Археологические источники и культурогенез. Таксоны высокого порядка в системе понятий археологии каменного века. Тезисы научной конференции, посвященной 75-летию кафедры археологии СПбГУ. СПб., 120–123.
- Хомский Н. 1972. Язык и мышление. М.: Изд-во Московского ун-та.
- Childe V. G. 1956. Kostienki: 'East Gravettian' or 'Solutrean'? // University of London. Institute of Archaeology. Twelfth Annual Report, 8–19.
- Clark G. A. 2009. Accidents of history: Conceptual frameworks in palaeoarchaeology // Camps M., Chauchan P. (eds.). Sourcebook of Paleolithic Transitions. Methods, Theories, and Interpretations. Springer, 19–42.
- Gardin J.-C. 2001. Logicist modelling and the transfer of knowledge in the humanities // Kobylinski Z. (ed.). Quo vadis archaeologia? Whither European archaeology in the 21st century? Warsaw: Institut archeologii, 22–29.
- Hodder I. 1989. Reading the Past. Current Approaches to Interpretation in Archaeology. Cambridge : Cambridge University Press.
- Leroi-Gourhan A. 1964–65. Le geste et la parole. T. I–II. Paris: Albin Michel.
- Shennan S. 2000. Population, culture history, and the dynamics of culture change // CA 41, 811–835.
- Trigger B. G. 1989. A History of Archaeological Thought. Cambridge: Cambridge University Press.

Тихонов И. Л.

Прежде всего, нужно поздравить с выходом этого фундаментального труда не только Льва Самуиловича, но и всех нас, всю нашу историографию. Этот двухтомник, с которым, благодаря любезности Л. С. Клейна, я имел возможность познакомиться уже довольно давно (книга несколько лет пролежала в разных издательствах), является очень серьезным вкладом в историю археологической науки.

Обращение Л. С. Клейна к этой теме не случайно, так как он с 1960-х годов читал соответствующий курс лекций на кафедре археологии ЛГУ и собирал материалы. Позднее ему довелось читать подобные лекции в различных университетах Европы и затем опять в Санкт-Петербургском университете. Некоторые из этих материалов и размышлений были опубликованы раньше: на русском языке вышли книга «Феномен советской археологии», большая

статья о Г. Коссине; рецензия на историографический труд Г. С. Лебедева; на английском — несколько статей, посвященных анализу развития археологии в европейских странах, США и СССР во второй половине XX в., а также очерки о нескольких русских археологах в Энциклопедии истории археологии, рецензия на 2-е издание Б. Триггера; на немецком — расширенный и дополненный биографическими очерками о ведущих советских археологах вариант «Феномена». Тем не менее этих публикаций было явно недостаточно, чтобы считать Л. С. Клейна в числе ведущих отечественных и мировых историографов, в отличие от позиций, которые он давно и прочно занял в теоретической археологии. Выход рассматриваемой книги сразу же меняет эту ситуацию, выдвигая автора на первые позиции в области истории археологии. Огромный труд, превышающий 100 печатных листов, беспрецедентен в отечественной историографии. Не будет преувеличением сказать, что на его создание ушло более четырех десятилетий, а ведь в это время, особенно в последние десять лет, было множество и других трудов и книг, которые либо уже вышли в свет, либо ждут своего часа.

До появления этой книги единственным на русском языке более-менее полным обзором истории европейской археологии оставались публикации А. Л. Монгайта, написанные более полувека назад. По объему, степени охвата и детализации, хронологическим и географическим рамкам, концептуальности и структурированности книга Л. С. Клейна значительно превосходит все, что было создано на русском языке на эту тему.

В мировой истории археологии, наряду с многочисленными монографическими изданиями, или посвященными отдельным этапам и разделам сложения археологии как области знания и научной дисциплины, или рассматривающими эти процессы в отдельных странах, или рассказывающими об известных археологах прошлого, не так уж много работ, претендующих на полноту охвата всего материала, связанного с историей археологии. Книги Г. Кюна, Г.-Ю. Эггерса, К. Керама, Г. Дэниела, Я. Малины и З. Вашичека, Б. Триггера, А. Шнаппа, У. Стибинга и других авторов стали серьезным вкладом в изучение истории археологии. Все они обладали массой достоинств, неповторимой индивидуальностью, как-то: занимательность Керама, немало популяризовавшего археологию; фундаментальность Шнаппа, собравшего все, что было возможно по самым ранним периодам становления археологии; теоретическая обоснованность Триггера, рассмотревшего историю археологической мысли в связи с общественным развитием; методологическая строгость и концептуальность Дэниела и т. д. Правда, следует иметь в виду, что многие из них вышли в свет уже достаточно давно, и естественно не могли учесть новые открытия или течения в археологии, появившиеся во второй половине или даже в последней четверти XX столетия.

Книга Л. С. Клейна, проработавшего огромный массив литературы, вобрала в себя многие вышеуказанные достоинства. Она и занимательна, и фундаментальна, и теоретически обоснованна, и методологически строга. Она охватывает всю историю археологии от самых ранних свидетельств об интересе людей к вещественным древностям в эпоху Древнего мира до теоретических концепций и школ конца XX века. При этом в ней присутствуют и анализ теоретических основ археологии в разные периоды, и история наиболее значимых

открытий и трудов, и биографические сведения о выдающихся археологах, и общественный резонанс, вызываемый археологией.

Текст хорошо структурирован, каждая глава делится на разделы, связанные между собой строгой логичностью. Библиографическая, она же и историко-ведческая база, поскольку архивные источники не привлекались, чрезвычайно обширна и близка к исчерпывающей. Л. С. Клейн имел возможность работать в зарубежных библиотеках. Это для русскоязычного читателя имеет большое значение в связи с тем, что очень многих используемых публикаций в российских библиотеках попросту нет.

Конечно, в столь большом тексте при таком огромном охвате материала оказались неизбежны некоторые ошибки и неточности, которых легко можно было бы избежать, если проводить обсуждение до, а не после выхода книги. Есть ряд неточностей в изложении научных биографий и взглядов Н. П. Кондакова, Б. В. Фармаковского, других персонажей. Не убеждает меня выделение «комбинационизма» как особого направления, присущего школе Н. П. Кондакова. На мой взгляд, нет ничего принципиального, что отличало бы работы этих российских ученых от диффузионизма, становившегося все более популярным в европейской науке с конца XIX в. В некоторых случаях стремление Л. С. Клейна четко выделить отдельные школы и направления вступает в противоречие с историческими фактами и не учитывает возможность сочетания в творчестве одного исследователя довольно противоречивых взглядов, относящихся к разным подходам и направлениям.

Есть, на мой взгляд, и некая разница между первым и вторым томом. В первом томе излагается практически полная история археологии почти до середины XX в., там присутствует много информации о раскопках и открытиях, изданиях, деятельности учреждений, объединений и музеев, занимающихся археологией. Примечательно, что вслед за А. Шнаппом автор начинает рассмотрение истоков археологии с древнего мира и большое внимание уделяет такому знаковому явлению для европейской культуры, как антикварианизм. Второй же том является в большей степени историей теоретической археологии, сформировавшейся при активном участии самого Л. С. Клейна во второй половине XX в. Для него это не история, а большая часть научной жизни и творчества.

По своему жанру это, конечно, курс лекций, этим объясняется и некоторая дидактичность изложения и наличие вопросов после каждой главы для «самостоятельной работы». Курс блестящий, вероятно, лучший из когда-либо читавшихся на эту тему. Для студентов, изучающих археологию, это издание, несомненно, станет основным пособием по истории зарубежной археологии и намного облегчит им жизнь при подготовке к экзамену по историографии.

Но тем более обидно, что такой замечательный текст не получил самого высокого, соответствующего уровню и статусу и книги и автора, полиграфического оформления. Мелковатый шрифт, плотные строчки, маленькие поля осложняют для читателя восприятие столь большого объема информации. Иллюстративный ряд мог бы быть значительно богаче и разнообразнее. Почти нет изображений археологических памятников и их раскопок, где и должна начинаться мысль. Цветных иллюстраций, хотя бы на вклейке, тоже нет,

преобладают портреты небольшого размера. Если мы сравним двухтомник по этим параметрам с книгами зарубежных авторов, например, с прекрасно иллюстрированной работой А. Шнаппа, сравнение, увы, будет не в нашу пользу. Суперобложка, на которой так много лиц, в итоге оказывается «безликой» потому, что так могла бы быть оформлена книга и по истории математики или философии, в ней нет ничего «археологического». И. И. Винкельман — фигура безусловно более чем достойная, но вряд ли его портрет может символизировать собой развитие археологической мысли к XXI в. В моем экземпляре отсутствуют несколько страниц библиографии. Но это все, впрочем, в адрес не автора, а издательства и общих проблем с финансированием научных изданий в нашей стране.

На мой, конечно, очень субъективный взгляд, это лучшая книга Л. С. Клейна из тех, что уже вышли в свет (самая лучшая, смеем надеяться, как положено, должна быть впереди!). Это, конечно, не значит, что автор рецензии подвергает сомнению достоинство и значение других уже опубликованных книг Льва Самуиловича. Просто с его концепциями в области теории и методологии археологической науки можно соглашаться или спорить, принимать или отвергать их полностью или частично. Эта же книга бесспорна, с гигантским материалом, изложенным и систематизированным в ней в соответствии с оригинальной авторской концепцией, не соглашаться нельзя.

Археология и ее история как науки не только исторической, но и в значительной степени культурологической, на ранних этапах тесно связанной с историей искусства и развитием европейской культуры, всегда привлекали внимание не только специалистов, но и самых широких читательских масс. Поэтому, уверен, что круг читателей данной книги будет значительно шире археологической аудитории. Такого полного свода по истории археологии нет ни на одном из европейских языков. Поэтому, думаю и надеюсь, что «История археологической мысли» Л. С. Клейна будет переводиться, в первую очередь, конечно, на английский, и ее ждет большая международная судьба. А мы с нетерпением будем ждать выхода новой книги Клейна, посвященной истории российской археологии.

Тункина И. В.

Поздравляю Льва Самуиловича Клейна, научное сообщество и всех присутствующих с появлением очередного фундаментального труда Мастера. Автор представил на суд читателей широкую панораму мировой археологической мысли за несколько веков, то есть когнитивную историю целой научной дисциплины.

На мой взгляд, обсуждение двухтомного труда нужно было устроить не ранее чем через год после выхода книги. Для спокойного чтения, осмысления выводов автора, анализа лакун в изложении материала, фактических ошибок и пр. необходимо время. У меня не было возможности протудировать книгу с карандашом в руках, поэтому я могу судить о ней лишь по результатам беглого просмотра содержания и чтения отдельных глав.

Читателю необходимо осознавать, что перед нами плод научной саморефлексии, достаточно субъективный взгляд на историю и современное состояние мировой археологической мысли петербургского ученого Л. С. Клейна. Этот текст может многое сказать о самом авторе, который проработал в отдельных областях археологии свыше 50 лет, но всегда уделял пристальное внимание общим проблемам теории и истории науки.

Л. С. Клейн взялся за весьма сложную и практически невыполнимую для одного исследователя задачу — представить панораму археологической мысли в контексте развития европейской культуры и философии истории. Энциклопедизм автора проявился в анализе наиболее значимых фактов истории как археологии в целом, так и ее отдельных направлений. Л. С. Клейну удалось вникнуть в нюансы эволюционирования представлений о предмете и объекте исследований в археологии, проанализировать и представить собственную классификацию господствующих исследовательских направлений, показать их взаимодействие и сменяемость.

В целом книга Л. С. Клейна удалась, правда, и она не лишена недостатков. Одна из них — «европо- и америкоцентричность» получившейся итоговой панорамы при очевидной сложности и полицентричности всемирной истории археологии. Последнее, видимо, неизбежно, так как Клейн сам принадлежит к петербургской, т. е., по сути, к европейской культурной традиции.

Жанр книги — курс университетских лекций — представляет авторский взгляд на многие факты истории науки и их оценку, причем, на мой взгляд, не всегда обоснованную и доказанную. Я бы предпочла познакомиться с монографией, обладающей солидным научным аппаратом, чтобы по ссылкам иметь возможность проверить источники информации, приводящие к определенным спорным утверждениям Л. С. Клейна.

Несмотря на то что наука по своей сути интернациональна, в каждой стране она имеет особые, национальные черты. Вызывает удивление практически полное игнорирование автором вклада русской дореволюционной науки в развитие мировой археологической мысли. Возможно, это объясняется тем, что Л. С. Клейн готовит к печати двухтомную историю отечественной археологии. Между тем, на мой взгляд, без русской науки представленная в 1-м томе картина остается неполной и даже ущербной.

Мы порой забываем, что европейское научное информационное пространство, в которое с начала XVIII в. была включена и Россия, вплоть до середины 1920-х годов было единым. Археологические исследования на Урале, в Сибири, Северном Причерноморье, на Кавказе, в Центральной России, Средней Азии в XVIII–XX вв. открыли неизвестные ранее «культурные миры», значительную роль в изучении которых сыграла именно русская наука. Ограничивать вклад последней в историю мировой археологии исключительно трудами советских стadiaлистов и марксистов (том 2), на мой взгляд, не совсем корректно.

Очевидно, что в археологии с течением времени представления об объекте и предмете исследования, методах полевой и кабинетной работы существенно менялись. Мы должны принять как данность, что «научная картина мира» антиквариев и археологов, живших в прошлых столетиях, кардинально отлична от взглядов ученых начала XXI в. Следовательно, в историографических обзорах следует отказаться от навязчивого подчеркивания несовершенства методики

раскопок и ошибочности теоретических представлений предшественников. Все научные практики (и полевые, и кабинетные) так или иначе отражают уровень развития научного знания на определенном историческом этапе и постоянно совершенствуются. В процессе формирования и размывания дисциплинарных границ археологии антикваризм XVIII — первой половины XIX в. создал базу для профессионализации науки и дифференциации дисциплин историко-филологического цикла уже в XIX — начале XX столетия, когда ткань «науки о древностях», развивавшейся с эпохи Возрождения, была расплетена на отдельные нити. Поэтому субъективная оценка Л. С. Клейном деятельности многих признанных ученых конца XIX–XX вв. зачастую поверхностна и не объективна (Н. П. Кондаков, Б. В. Фармаковский, Н. Я. Марр и др.). Читателю не всегда очевидны и критерии отбора автором отдельных персоналий и их трудов, а также отнесение их к определенным научным направлениям.

На мой взгляд, главный вывод сегодняшнего дискурса состоит в том, что после появления панорамной книги Л. С. Клейна рано или поздно появятся (и уже появились!) исследования, рассматривающие эволюцию археологической мысли и воспроизводство научных практик на разных исторических этапах в отдельных разделах археологии. Современная археология — развитая, расчлененная наука, которая включает ряд субдисциплин. При этом каждая из них имеет собственную историю и взаимосвязи с другими дисциплинами или субдисциплинами как историко-филологического, так и естественнонаучного циклов. Все они существенно различаются как в предмете исследования, так и в масштабности и географическом ареале полевых работ. Это приводит к различию в научных концепциях и разному пониманию самого предмета науки, что нашло отражение в дискуссиях, ведущихся внутри археологического сообщества до сих пор. Поэтому закономерно появление и других «историй археологической мысли» — не широкой панорамы, а узких фрагментов научной картины отдельных археологических субдисциплин. Такие исследования должны создаваться специалистами, знающими весь спектр проблематики своего раздела археологии, что называется, «изнутри». При этом необходимо помнить, что поза разоблачителя науки прошлого в историко-научных и историографических трудах неуместна.

Надеюсь, что уникальная по охвату материала и написанная блестящим языком книга Л. С. Клейна пробудит у его младших коллег интерес к истории собственной науки.

Платонова Н. И.

Изданный ныне двухтомник Л. С. Клейна «История археологической мысли» настолько насыщен информацией, что любой отзыв, любая рецензия могут затронуть лишь немногие отдельные аспекты этого монументального труда. Читая, ощущаешь, в первую очередь, захватывающий интерес, а затем приходит чувство гордости за отечественную археологическую науку. В «Предисловии к курсу лекций 2004–2006 гг.», помещенному в 1-м томе, автор упоминает об откликах специалистов на его более ранние работы, легшие в основу обсуждаемого труда: «...западные археологи удивлялись, что такая работа могла появиться из-за

железного занавеса. Они считали, что за этим занавесом невозможно было ни знать мировую литературу, ни так писать о ней. Они ошибались, но знали бы они, каково мне было проводить статью через все пороги и рогатки цензуры...» (с. 6).

Ключевой тут является фраза: «Они ошибались...». Безусловно, «занавес», который отделял нас от «свободного мира» в 1970-х, был далеко не таким «железным», как это казалось наивным западным людям. Скорее, то было подобие жалюзи с широкими щелями. Если в конце сталинской эпохи в СССР, к примеру, даже журналы *Nature* и *Current Anthropology* оказались изъяты из свободного доступа и помещены в спецхраны, то в брежневские времена вся подобная литература стала доступна — конечно, не в провинции, а в крупных научных центрах.

Хочу лишний раз подчеркнуть: важнейшие публикации по истории отечественной археологии (и самого Л. С. Клейна, и Г. С. Лебедева, и А. А. Формозова, и не только их), вышедшие из печати в 1990-х гг., по большей части, не являлись продуктом научной мысли указанного периода (Платонова 2010: 38). Они обдумывались, обсуждались, формировались, читались как лекционные курсы и доклады — на самом пике «застоя». Никаких проблем со свободой мысли, с информированностью у авторов явно не было. Умствовать в ту пору вообще не запрещалось. Запрещалось — всерьез — лишь тиражирование результатов умствования, когда они шли вразрез с идеологическими установками.

Однако препятствия такого рода порою не тормозят, а даже стимулируют научную мысль (по крайней мере, в гуманитарной области). Помню, запрет на издание стихов Н. С. Гумилева немало содействовал тому, что многие из нас знали наизусть целые его сборники. Нечто подобное происходило и в археологии. Появлялись «незримые колледжи», внутренне оппозиционные «официальной» науке и идеологической рутине. На моей памяти на истфаке ЛГУ один такой «незримый колледж» был сформирован А. И. Зайцевым (история античности), другой — Л. С. Клейном (археология).

Возвращаясь к обсуждаемому двухтомнику, хочу отметить: его автор, действительно, очень сильно отличается от большинства ученых второй половины XX в. Отличием служит его энциклопедизм, сопряженный со знанием основных европейских языков — то, что давно отошло в мировом научном сообществе в область преданий. Не случайно аналога его труду в археологии нет. Современный англоязычный мир традиционно читает лишь на своем языке, а ныне успешно «ломает под себя» и все другие страны с богатыми научными традициями.

Стремление к энциклопедическим знаниям в нескольких смежных областях и чтение на всех европейских языках — именно это когда-то определяло высокую планку университетского образования в царской России. В середине XX в. указанные традиции, как видим, еще находили продолжателей. Лет 10–20 назад от них сохранялись одни осколки. Современные реформы образования в России, направленные на узкую его специализацию и откровенно «снижающие планку» профессиональной подготовки гуманитариев, вскоре неизбежно добьют и то последнее, что у нас осталось¹.

¹ Характерный и яркий пример: в 2011/2012 уч. г. на восточном факультете СПбГУ для специалистов по языку и культуре Вьетнама из программы изъяли французский язык — хотя французская школа вьетнамских исследований и сейчас остается ведущей в мире, вся основная литература по специальности там на французском, преобладающий язык

Именно поэтому мне кажется вдвойне ценным появление на русском языке книги, содержащей систематическое изложение таких проблем, которые можно осветить лишь при условии прекрасного (и профессионального!) знания немецкой и французской научной литературы XIX — первой половины XX в. — не только по археологии, но по этнографии, филологии и языкознанию. Если, к примеру, история этнографических учений и концепций человеческой культуры того периода была еще сравнительно подробно освещена в трудах С. А. Токарева, то, скажем, скандинавский этап истории мировой археологии и, в частности, роль в ней С. Нильссона до сих пор излагались в отечественной литературе совершенно недостаточно. Исключительно важным представляется включение в учебник детального изложения истории классической археологии с «генеалогическим древом профессуры», анализом роли филологической школы и т. д. То же самое можно сказать о подавляющем большинстве разделов двухтомника, освещающих отдельные направления мировой археологической мысли. Не вдаваясь далее в подробности и не пересказывая полностью оглавление книги, можно подвести итог: если до сих пор в истории мировой археологии имелись отдельные, более-менее разработанные сюжеты и даже большие темы, то сейчас все это впервые «срослось» воедино — в широкое научное полотно.

Если переходить к частностям, то хочется сказать несколько слов об основных понятиях, рассмотренных во «Введении». Представления Л. С. Клейна об археологии как науке источниковедческой и о единстве всех ее отделов, коль скоро они имеют дело с вещественными источниками, артефактами — все это я всемерно поддерживаю и считаю огромной заслугой автора разработку указанных тезисов на современном уровне. Однако, с моей точки зрения, отказ считать археологическое источниковедение «частью истории как фундаментальной науки» (с. 13), в конечном счете, лишен оснований.

Возможно, у Л. С. Клейна подобная позиция является непреходящей реакцией на позицию советской «официальной» науки, утверждавшей, устами А. В. Арциховского, что археология — это «история, вооруженная лопатой». С этим безапелляционным утверждением столько приходилось спорить, отставив специфику археологии и ее источников, что признавать сейчас — пусть даже на качественно ином уровне — принадлежность археологии комплексу исторических наук как-то не поворачивается язык. Между тем, логика науковедческого исследования, на мой взгляд, подводит нас именно к этому.

Источниковедческий характер археологии означает ее принадлежность нижнему или базовому уровню исторического познания — уровню, на котором производится анализ, превращающий источник в исторический факт в широком смысле — в факт истории человеческой культуры. Признаваемая Л. С. Клейном «родственность» археологии письменному источниковедению только усиливает двойственность его позиции. Ведь, рассуждая по аналогии, мы должны будем признать, что и письменное источниковедение не имеет пря-

международных научных конференций — французский. Но, видимо, методисты востфака очень озабочены тем, чтобы образование, получаемое на факультете, соответствовало современному уровню серости! На все возражения студентов последовал один великолепный ответ: «Английский язык — международный. Мы подберем вам литературу на английском...».

мого отношения к комплексу исторических наук, а источниковед — не историк. Но опыт показывает, что историк просто не может не быть в своей области источниковедом, иначе он будет плохим историком. Указанные области неразрывно связаны: новый уровень исследования вырастает из предыдущего. И все это отнюдь не отрицает весьма значительной специфики двух различных этапов исторического познания — источниковедческого и конкретно-исторического (ср.: Аникович 2003–2004: 494–495; 2010: 8–10).

То же в археологии. Существуют целые огромные разделы истории человечества, реконструируемые на основании почти исключительно археологических источников и их контекста. Сделать квалифицированные выводы из этого материала, по сути — перевести исследование на конкретно-исторический уровень способен лишь тот, кто владеет указанными источниками профессионально — т. е. археолог. Разумеется, он может и воздержаться от этого, не «заниматься реконструкцией культурно-исторического процесса как целого и выяснением причинно-следственной связи его элементов друг с другом» (с. 14). Может! Но тогда ему рано или поздно обязательно придется прочитать в очередной «Истории N-го общества», написанной по его материалам, нечто такое, от чего волосы встанут дыбом. Потому что лишь сам источниковед (в данном случае — археолог) сполна отдает себе отчет в неоднозначности своих источников, в характере полученной из них информации, в степени обоснованности сделанных по ним выводов. Только он замечает «подводные камни» там, где историк без соответствующей подготовки увидит одну тишь и гладь. Только он способен быстро и адекватно отреагировать на появление новых данных, корректирующих его прежнюю позицию. И так далее.

Разумеется, на эту и другие темы можно было бы написать очень много, но в рамках данного моего выступления многим важным моментам просто нет места. Скажу лишь несколько слов о «винкельмановской» главе. Надо сказать, представление о Й.-И. Винкельмане как «отце научной археологии», разделявшееся еще С. А. Жебелевым, утвердилось в головах моих сверстников, выпускников кафедры археологии ЛГУ, именно благодаря лекциям Л. С. Клейна. Сейчас я с огромным удовольствием прочла мастерски написанный очерк об этом выдающемся человеке и его деятельности. Единственное, что немного царапнуло — с учетом того, что перед нами все же учебник — это несколько навязчивое, на каждой странице, к месту и не к месту, подчеркивание гомосексуализма Винкельмана (который, кажется, и так ни для кого не является тайной!). На мой взгляд, сексуальная сфера вообще вещь интимная, не требующая и даже исключающая всякое шумное обсуждение. То, что необходимо в детальном научно-биографическом исследовании, далеко не всегда уместно в учебнике. Для сравнения могу привести такой пример: сейчас уже трудно сомневаться, что Льюис Кэррол был педофилом по своим сексуальным пристрастиям. Именно «нестандартная» ориентация послужила для него источником вдохновения при создании очаровательных книжек о маленькой Алисе... Ну, так что же? Будем смаковать эту деталь в учебниках по литературоведению? А может, не стоит заострять на ней внимание — хотя бы из уважения к несчастному, глубоко одинокому человеку, ни разу не обманувшему доверия ни одной маленькой девочки?

Оценивая информативность различных разделов двухтомника, стоит заметить: отечественная археологическая мысль и ее вклад в мировую науку

освещены в книге, пожалуй, наиболее слабо. Впрочем, это не касается «до-революционного» раздела о комбинационизме, выделение и характеристика которого являются личной заслугой Л. С. Клейна. Но вот при чтении главы 27 («Стадиализм и марксизм») становится особенно заметно: издание готовилось к печати достаточно давно и долго. В нем не учтены публикации последних лет, в том числе те, которые позволяют, на мой взгляд, внести ощутимые коррективы в оценки, высказанные в тексте. Именно в последние годы в области истории отечественной археологической науки было сделано так много, как, пожалуй, никогда до сих пор. Появился огромный массив новой информации... Жаль, что самый фундаментальный учебник по истории мировой археологической мысли в этой части оказался написан наиболее конспективно, без присущей автору яркости. Что ж, будем ждать другой книги Л. С. Клейна. Насколько мне известно, им готовится отдельное издание, посвященное именно отечественной археологии.

В заключение скажу еще раз: ценность систематического изложения истории археологической мысли, проделанного Л. С. Клейном, огромна. Можно спорить с отдельными частностями, с отдельными подходами автора, но нельзя не признать, что с выходом его труда из печати, в деле осмысления истории нашей науки произошел настоящий прорыв.

Литература

- Аникович М. В.* 2003–2004. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // SP 1, 487–505.
- Аникович М. В.* 2010. Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии. Избранные лекции. Новосибирск: НГУ — ИАЭ СО РАН.
- Платонова Н. И.* 2010. История археологической мысли в России (вторая половина XIX — первая треть XX в.). СПб.: Нестор-История.

Клейн Л. С. Ответное слово

Очень признателен всем выступавшим за лестные слова и дельные замечания по моей книге. Все мы заботимся о как можно более массовом распространении своих книг. Но каждый из нас пишет в основном для очень небольшой горстки читателей — для своей референтной группы. Моя референтная группа почти вся присутствует в этом зале. Более того, я с глубоким сожалением должен отметить, что значительная часть ее переселилась на кладбище. Ушел мой внимательный и пристрастный читатель Глеб Лебедев. Ушли Марк Щукин, Дима Мачинский, Гена Григорьев, а в Москве Саша Формозов. Я не успел получить их реакцию. Единственная надежда, что придут молодые читатели, которых я еще не знаю и которых я поэтому не догадался включить в свою референтную группу.

Не все нарекания я могу принять. Через ряд выступлений проходит красной нитью мысль, что я недостаточно осветил роль русских ученых в истории мировой археологии. Конечно, о всякой теме можно сказать, что она

недостаточно освещена — хотелось бы видеть еще и то и это. Но если стремиться к пропорциональности, то не могу с этим нареканием согласиться. Дело не только и даже не столько в том, что я параллельно работал над курсом и монографией по истории русской археологии, и не очень рационально освещать подробно в этом курсе то, что освещается по определению в том. Дело еще в реальном весе русской археологической общины в мировой археологии в разное время. Любым национальным группам ученых свойственно переоценивать роль своих соотечественников в мировой науке, а нам, русским, это свойственно особенно — из-за часто проявляющегося отставания, которое хочется преодолеть хотя бы в воображении, и из-за образующегося на этой основе своеобразного комплекса неполноценности, побуждающего к задиристости и к надуванию щек. Будем честны хотя бы между собой: «Монтелиусов у нас нет», — сказал почти век тому назад Равдоникас и был прав.

Все, что можно назвать из оказавшего влияние на мировую науку или стоявшего с ней вровень, я отметил, не говоря уж о том, в чем (и это бывало) русской науке удавалось вырваться вперед. Именно эти школы и эти фигуры я описал в данном курсе подробно (Городцов, Спицын, Кондаков, Ростовцев). Нужно ли добавить к ним Бонч-Осмоловского, сомневаюсь. Он смело мыслил, но по условиям своего существования в советской действительности не мог развить свои идеи в разработанную систему, создать школу и т. п. То же касается Жукова. Тех советских археологов-марксистов, которые выдвинули новые для Запада идеи, какими бы они ни были, я описал сравнительно подробно.

Не могу также принять нарекание в том, что я излишне останавливался на теоретических концепциях и нередко лишь мельком говорил об открытиях и разработке фактического материала. Простите, но я писал не историю мировой археологии, а историю археологической мысли. Я подробно обосновал свой интерес именно к этому аспекту истории науки, и моя реализация идеи вполне соответствует этой задаче, этому названию книги. Ругайте меня за то, что я не описал или неверно описал какие-то концепции, какие-то идеи, а не за то, что я не дал еще и описания материала — я и не обещал этого. Не сомневаюсь, что Ю. Е. Березкин написал бы не такую историю нашей науки, а И. В. Тункина, Н. Ю. Платонова, С. В. Васильев и И. Л. Тихонов уже написали не такую историю. Очень хорошо! Но и мою будут читать, и кому-то это поможет.

Третье разногласие возникает при выборе разрешения — писать ли историю крупными мазками (как Триггер) или делить ее на школы (как Дэниел или Токарев). Васильев и Березкин предпочитают первый способ — исполать им. Я для себя выбрал второй, потому что очень многое в истории определялось на уровне школ, личностей и случайных обстоятельств. Поэтому она такая непредсказуемая.

Остановлюсь на некоторых частных вопросах, всплывших в обсуждении. С. А. Семенов все же был следователем, и его интерес к распутыванию криминалистических тайн подтверждается детективными рассказами молодого Семенова, с которыми он побеждал на литературных конкурсах. А что это не сразу сказалось на его научном творчестве — так и условий не было.

В трактовке французской археологии палеолита мне трудно спорить с Сергеем Васильевым, но все же в культурной антропологии слава, которую приобрел Леви-Строс (на мой взгляд, незаслуженно), намного превосходила славу Леруа-Гурана, да и Борд на первых порах имел большее влияние, чем Леруа-

Гуран, был, так сказать, в археологической моде. Это потом влияние Леруа-Гурана стало выходить за пределы полевой методики.

«Саббатикал» — конечно, обычная практика, но сроки его разные, и Ростовцев именно выторговывал себе лучшие условия — это видно по его переписке.

Переводя Бинфорда для иллюстрации его стиля, я не утрировал огрехи, не калькировал выражения — я старался в переводе сохранить именно то, что воспринимали англичане (они не раз об этом писали). Несогласования падежей, сложность оборотов и т. п. — это никакие не кальки, это огрехи и в английском.

Имя Левиной (Marsha) я передавал с английского как Маша, руководствуясь правилом передавать фонетически, возможно, напрасно.

Что касается Винкельмана и его гомосексуальности, то я счел необходимым написать о ней (опустив некоторые детали) потому, что она заметно влияла на научные интересы этого ученого, на его осмысление древностей. Я например, ни слова не сказал о гомосексуальности Артура Эванса, хотя он был задержан полицией в лондонском парке «на месте преступления», — не счел упоминание резонным, поскольку эта склонность почти не сказывалась на его взглядах и трудах.

Ряд неточностей отмечен правильно, и я прошу прощения у читателей за то, что не заметил их своевременно, а моим критикам признателен за исправление. Разумеется, благодарю их и за те высказывания, с которыми я не согласен. В спорах рождается если не истина, то взаимопонимание.

Я очень рад, что в основном эта книга получила благоприятную оценку, признана полезной. Для меня это важно, поскольку книга эта является итоговой для меня по целой отрасли моих занятий. Аналогичная книга, тоже двухтомник, но по русской археологии, сдана в печать и редактируется. Еще одна книга, еще один двухтомник, называется «Археологическое исследование» и посвящена методике кабинетных исследований археолога, тоже сдана в издательство. Первый том уже отредактирован, редактируется второй. Это третья сфера моей работы, и книга тоже для меня итоговая. А кроме того итоговой книгой являлось мое «Введение в теоретическую археологию», вышедшее несколько лет назад на русском в Петербурге и на английском в Копенгагене.

Итоги я подвожу поздно, в середине девятого десятка, но это просто потому, что мне удалось жить долго. Многим моим коллегам просто не выпала на долю такая возможность — сделать итоговые труды именно так поздно, а раньше они не успели. Ведь сказано кем-то, что в России, чтобы сделать что-то существенное, надо жить долго. К чему вас всех и призываю.

У меня остаются еще не подведенные итоги по Гомеровским студиям, хотя запланированы, по культурной антропологии, по другой тематике. Скоро выйдет книга по музыке («Гармонии эпох»). Еще ряд книг намечен. Недавно вышло на меня еще одно издательство, с которым я ранее никогда не работал, я дал им на выбор три готовых еще не изданных книги. Посмотрим, что выберут.

Словом, планов много. Я понимаю, что в моем возрасте строить большие планы глуповато. Что ж, могу лишь сказать, что когда бы и ни умер, я умру преждевременно. Зато в каждом случае выхода очередной моей книги, каждой рецензии на нее, каждого обсуждения — что здесь, что в Бирмингеме — я радуюсь тому, что это происходит прижизненно.